

Текст · 2 сентября 2024, 13:36

Алла Константинова,

«Если я отправляю ребенка в логово гаденышей, это подлость». Педагог Дима Зицер — о том, как уберечь детей в войну

В июле 2024 года МВД России [объявило](#) известного педагога и идеолога неформального образования из Петербурга Диму Зицера в розыск по делу о военных «фейках», за что именно — пока неизвестно. Вскоре после начала российского вторжения в Украину Зицер уехал из России, и он продолжает не только публиковать педагогический подкаст «Любить нельзя воспитывать» у себя на [ютуб-канале](#), но и высказывается на политические темы. В преддверии нового учебного года «Медиазона» поговорила с просветителем о том, почему российское государство так основательно взялось за подрастающее поколение, как взрослым уберечь детей от индоктринации и ненависти, да и самим остаться людьми.

Как связаны педагогика и война

Без разговоров о войне сейчас не обойтись. Практическая педагогика основана на правде. Один из базисов, на котором стоят наши отношения, — это то, что мы с вами понимаем, в какой системе координат мы живем. Как только мы начинаем в чем-то в жизни лгать, в этот момент начинают «ехать» все отношения. Во-первых, потому что если мы солгали в одном, то неминуемо солжем и в другом. Во-вторых, потому что дети считают

неправду в одну секунду. В-третьих, потому что ложь непременно раскроется и так далее.

24 февраля 2022 года у нас возникла совершенно другая жизнь. В этой жизни другие модели, в этой жизни другие пристройки, в этой жизни иначе устроены тип отношений, защита детей, высказывания и обмен позицией, взаимодействие между семьей и школой.

Если я как человек, к которому обращаются с вопросами, скажу: «Слушайте, ребята, давайте сделаем вид, что все в порядке?». Ведь бывают ситуации просто практические, когда нужно поддержать трехлетнего мальчика или девочку, и в это совершенно не нужно немедленно вплетать войну! Но если я не буду держать в голове, что может что-то произойти в детском саду или человек может услышать что-то по телевизору или по радио в такси, посыпется все. Турбулентность из-за войны возникла везде, во всех сферах, когда тебя со всех сторон окружает вот эта дрянь и ненависть прорастает прямо изнутри.

Как и с кем говорить о войне

Естественно, [с начала российского вторжения в Украину] от меня отписались десятки тысяч людей в [инстаграме](#). И правильно сделали, наверное. С другой стороны, пришли другие люди, которые разделяют мою позицию и знают, на что идут.

Поначалу я бросался в бой [с теми, кто за войну] и объяснял, и спорил, и так далее. А потом в какой-то момент я почувствовал, что вольно или невольно эти

люди отбирают силы. И не только у меня. Я мог бы провести зум с учителями из Украины, которые сидят в бомбоубежище в Харькове, — и моя энергия нужна на это. Я [весной 2022 года] обратился к своим друзьям — было несколько контактов в Харькове, в Киеве и в Одессе, — и это такие мини-семинары, если хотите, ведь учителям нужно создать новую системность [работы].

А шансов на то, что я зетника, зараженного нацистской идеологией человека, смогу переубедить, нулевая. Это я [как будто] варю воду. И я понял, что силы нужны на другое.

Но если человек сомневается, если он формулирует вопрос, другое дело. Недавно ко мне был вопрос: «Мне кажется, вы агрессивны по отношению к людям, которые живут в России. Я очень вам доверяю, но как же я могу продолжать это делать, если вы начинаете делить людей по такому принципу?». И я разговаривал об этом в передаче полчаса, наверное. Или написала мне женщина из России примерно с тем же вопросом, мы переписывались с ней потом какое-то время. В финале она написала: «Я бы исчезла на неделю подумать, потому что сейчас я начинаю понимать, что переношу собственную обиду и собственную злость на вас и жду нападения там, где его нет». С сомневающимися людьми, конечно, нужно разговаривать, выбирать слова и быть терпеливым. И поддерживать, между прочим.

Как и когда говорить о войне с ребенком

Давайте я приведу пример не про войну: секс. «Откуда берутся дети?». Давайте представим себе ситуацию, что родители по той или иной причине не поговорили на эту тему с ребенком лет до восьми. Ну не поговорили — язык прилип к небу, с ними самими в детстве не разговаривали и так далее. Значит, что произойдет? Абсолютно точно поговорит кто-то другой, ведь эта тема возникнет, и человек к родителям с запросом не придет. Дети так устроены: я не буду беспокоить родителей без надобности. Тем более если раньше при нем возник какой-то разговор, и ребенок почувствовал, что маме или папе неудобно.

Значит, святая обязанность родителей — на сложные темы инициировать разговоры с ребенком. Есть разные техники, разные способы. Но инициировать разговор надо.

Если мы говорим о войне и том, что происходит в России — ну, например, мы говорим о российских детях, — человек себя дистанцирует от того, что происходит. Но если мы не поговорим с ребенком о войне, то и не заметим, как начнется инфицирование, или индоктринация^[1], или что-то еще. Если мы делаем вид, что все в порядке, и прикрываем это самыми благими побуждениями, мы ребенка не сохраняем, а разрушаем в этот момент, потому что мы оставляем его один на один с войной, с индоктринацией и со всем остальным. Поэтому необходимо говорить. Говорить в соответствии с возрастом. Говорить, оберегая. Говорить аккуратно. Но говорить, конечно.

Как помочь детям-беженцам и тем, кто в эмиграции

Есть, так скажем, два вида рутины — хорошая и плохая. Начнем с плохой. Значит, жил я или жила в Харькове, в Одессе, в Мариуполе. И оказался со своими близкими в другой стране или городе. Как будто бы, рассуждают многие родители, для того чтобы сохранить стабильность для своего ребенка, я должен перевезти с собой ту рутину, которая у него была [дома]. Самый простой пример: ребенок занимался хоккеем, и первое, что я делаю, оказавшись, скажем, в Варшаве, — ищу для него студию хоккея.

Здесь удивительным образом возникает слом: я-то ведь не в Харькове сейчас! И то, что я тогда занимался этой игрой на скрипке, или хоккеем, или дружил с какими-то людьми, не помогает мне войти в новую систему координат, в это ощущение другого города. В этом смысле меня это тянет назад и даже немного разрушает. Меня как будто все время бьют по рукам: давай говорить о том, что было, а не о том, что тебя окружает. Не о том, что есть сейчас. И это происходит и со взрослыми, и с детьми.

Или взрослые иногда изо всех сил делают вид, что ничего не происходит: все нормально, ничего не меняется. И это тоже лишает ребенка права на эмоцию — на то, что ему хочется плакать, огорчаться, расстраиваться. Он как будто тоже начинает скрывать это от взрослых. Наши дети нас берегут. И если моя мама старается изо всех сил, я тоже сделаю все, чтобы маму не «расшатывать». Никого не надо разрушать: мы и со взрослыми — правда же? — выбираем слова, избегаем каких-то острых углов и тем. Тем не менее

человек должен понимать, что мама живая. И тогда он тоже имеет право быть живым.

Но есть и рутина номер два. Создание рутины новой, которая помогает нам выживать. Не абстрагироваться от того, что происходит вокруг, а, наоборот, замечать. Например, у вас в семье начнут создаваться новые традиции: каждый вторник вы будете ходить вот на эту лавочку, а по дороге останавливаться вот у этой рябинки. И про что-то говорить, а может быть, и плакать, обнявшись. И делать это — создавать новую рутину — нужно сознательно, немножко даже заставлять себя.

И рутину разговора с родственниками, которые находятся далеко, тоже надо создавать умышленно. Именно мамы украинские часто с этим вопросом обращаются, по понятным причинам. Насколько возможно, нужно постараться эту рутину создать. Может быть такой договор [отца на войне] с ребенком: «Котик, у меня есть одна минута [на разговор по телефону], и как только она появляется, я твой». Или переписка в картинках, если мы говорим про маленьких детей.

Я обращаюсь сейчас к людям, которые на фронте, и говорю им: «Рисуйте». Да, обращаюсь и говорю, потому что это терапевтическая штука не только для детей, но и для взрослых. Когда я могу рассказать человеку, который еще даже не читает, про дерево, про птицу, которую я увидел, про людей, которых встретил, — конечно, не про кровь, тут ничего не поделаешь, все понятно, — но это очень важный момент: у нас с папой, который на фронте, есть свои секреты.

Почему российское государство вцепилось в детей

Они за них так взялись, потому что с детьми у них гораздо больше шансов, чем со взрослыми. Дети до определенного возраста верят взрослым безоговорочно. Дети не верят, что взрослые могут хотеть им зла. Я могу даже сердиться, я могу капризничать. Но я понимаю — я, человек шести лет, — понимаю, что взрослый прав. Дальше [вера во взрослых] потихонечку ослабевает. Но эта вера в то, что взрослые правы, она продолжает существовать практически до подросткового возраста.

Предположим, человека мама приводит в школу, а у него мерзкая учительница. И ребенок никогда не произнесет, что учительница плохая или не права. Он всегда будет винить себя. Ведь если мама его туда привела, то мама знает, что она делает, и она хочет ему добра. Все.

И это значит, что если я получаю доступ к человеку семи лет и транслирую ему все что угодно: что

кругом враги, что нас хотят убить, что на нас напала Украина... да что угодно! Это значит, что шансы на то, что человек семи лет поверит мне, безоговорочно высочайшие.

О вреде «Разговоров о важном» и двоемыслия

Сперва нужно напомнить, что в России, поверьте мне, есть очень большое количество учителей, которые крутятся ужами на сковороде, но всеми силами избегают этой дряни [уроков пропаганды]. Таких людей много — говорю я не для красного словца, а потому что мы должны о них помнить.

Но, к моему большому сожалению, нужно признать, что «Разговоры о важном» стали системными. Два года назад я надеялся, что это будет инициативой на местах: что самые рьяные [учителя] будут это проводить, а остальные как-то смикшируют. К сожалению, нет, это стало частью системы, несмотря на то, что по статусу это все еще внеурочные занятия.

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

И поэтому можно сказать, что «Разговоры о важном» на детей точно повлияют. На человека лет 11–13 [пропагандистские] занятия могут не повлиять или повлиять не со стопроцентной гарантией, потому что в этом возрасте мы настроены очень скептически, если не сказать цинично. Мы перепроверяем все,

что говорят взрослые, мы строим свою систему координат. И там, конечно, шансы есть, особенно если в семье есть прочный нравственный базис, заложенный заранее.

А вот если мне семь или восемь лет, что может нарушить мою веру в то, что взрослые правы? Шансов никаких нет.

Представьте ситуацию: человек восьми лет идет в школу, и в школе ему говорят, что нужно на пороге поцеловать портрет Путина, а потом сказать о том, что в Украине живут укронацисты или жидобандеровцы. И о том, что в России живут самые светлые люди и поэтому они имеют право убивать других. А дома ему говорят: «Ты не слушай, что происходит в школе». Так не бывает. И, кроме начальной шизофрении, человек не получит ничего: «Мама, если в школе мне лгут, если в школе меня разрушают, зачем же ты меня туда отправляешь?».

Я — человек, который сам вырос в двоемыслии, поскольку я закончил школу в 1983 году. Но двоемыслие было другим: излет Советского Союза и близко нельзя сравнить с нынешним разрушением морально-нравственного базиса. В двоемыслии ничего хорошего нет. Во-первых, мы растем такими маленькими лгунишками. Так вот, если люди из моего поколения или старше скажут, что ничего страшного [тогда] не было — они маленькие лгунишки, ну, или большие лгуны. Потому что учили нас именно этому: здесь говорите, а здесь не говорите.

Давайте представим себе жесткую ситуацию. Дома [ребенку] говорят: «Мы против Путина, против

войны, только не говори в школе». При этом школа пронизана индоктринацией. В какую ситуацию я ставлю собственного ребенка? И главный вопрос: а зачем он в эту школу-то ходит? Ради чего? Что там такого, что я должен помещать его в эту дихотомию, ставить его в ситуацию, когда его разрывает надвое? И почему я должен рисковать, что он свалится в пропасть противоположной стороны? Обычно в такой ситуации человек еще приговаривает: «Я не могу иначе». Да можешь ты иначе, что за чушь!

Надо встать и уйти. Пока мы задумываемся, у наших детей детство заканчивается. Для нас год — это миг, а для них — огромный кусок детства.

Месяца два назад мне позвонила женщина из Петербурга. Молодая совсем, у нее есть племянник в первом классе. И она в слезах рассказывала мне о том, что ее племянник индоктринирован целиком. И что этот семилетний мальчик уже не готов, чтобы ему дома говорили что-то против Путина или против войны. Включая эту замечательную тетю, с которой он, между прочим, дружит.

Та женщина звонила посоветоваться, что делать на этой стадии? И не то чтобы мама мальчика, сестра той женщины, неадекватная. Адекватная и более или менее все понимает. Но она сказала, что не может сейчас все бросить и начать искать [сыну] семейную группу^[2], переводить его на семейную форму обучения^[3], искать единомышленников... Ничего страшного — мы выжили, и он выживет. Опять вот эта позиция «унылое говно», извините: «Ну что я могу сделать?».

Что я ответил? Мы поговорили о том, что необходимо убеждать сестру немедленно совершить этот поступок [уйти из школы]. О том, что она, как родной и любимый человек, нуждается в поддержке. И что нужно что-то взять на себя, если хочется, чтобы что-то поменялось: ищи [племяннику] семейную группу обучения, ищи поддержку, создавай новую рутину. Сестра оказалась готова, чтобы эта женщина гуляла с мальчиком два-три раза в неделю по часу-полтора. Расшатывай, прививай, изменяй. Какой есть плюс: в семилетнем возрасте это изменяемо, в отличие от лет пятнадцати, потому что есть все та же вера в то, что взрослые правы. И эта вера помогает не только заразиться, но и выздороветь.

«Семьеведение» и другие изменения в российской системе образования

«Семьеведение»^[4] — это предмет, характерный для фашистской системы координат. И слово «фашизм» здесь не преувеличение, потому что если мы вспомним его определение от Умберто Эко, то фашизм — это проникновение государства во все сферы жизни. Конечно, неполное определение, но это проникновение государства в постель, под одежду, в еду, в праздники, в способы общения. Здесь речь идет о том, что государство будет рассказывать нам и нашим детям о том, как должна быть устроена семья. И это, на мой взгляд, очень и очень страшно.

В этот момент забираются в самое личное, а что может быть более личное, чем любовные отношения? В ту секунду, когда это станет частью системы, убежать будет от этого сложно. Почему Голикова,

или Путин, или кто угодно должен нам с вами рассказывать о том, каким образом должна быть устроена наша семья? Они кто вообще?

Помимо всего прочего, они рассказывают нашим детям, что существует абсолютная правда. И монополия на эту «правду» находится в руках у конкретных людей. Они знают, какие ценности «традиционные», хотя само это словосочетание абсурдно и античеловечно. У вас одна традиционная семья — в духе ваших традиций, а у меня другая. А у третьего — третья. И это самое страшное, потому что идет разрушение личности, отъем у человека, у ребенка права на себя: я не имею права любить так, как я хочу любить. Вот и все.

Предмет «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ) переименовали в «Основы безопасности и защиты Родины». И довесок про «защиту Родины» начинает появляться просто везде. Конечно, название предмета «Основы безопасности жизни» — корявое. Но оно понятное. Я, ученик, учусь делать свою жизнь безопасной. А как только [к названию предмета] добавили «родину», тут же из личного сделали государственное. К предмету, который должен формировать важные личные навыки, добавили: «Ты не забывай, кстати, что ты должен защищать и государство». И пошло-поехало: сперва думай о Родине, а потом только о себе.

Что касается других системных сдвигов в российском образовании, все очень фигово. Сейчас грядут, насколько я понимаю, новые поправки к закону «Об образовании». Там, например, есть статья о том, что учитель имеет право делать замечания

детям. И человек, не имеющий отношения к закону «Об образовании», скажет: «Ну что за ерунда? Учитель и так имел право делать замечания детям». На самом деле это не ерунда. Потому что в потрясающем законе «Об образовании» 1993 года разделены образовательная и воспитательная функции. И школа в первую очередь выполняет образовательную функцию. И на сегодняшний день по закону человек имеет право прийти в школу с любого цвета волосами, с любым пирсингом, в любой одежде. Если это, конечно, не нарушает общепринятые нормы одежды — если не придет в купальнике, например. В тот момент, когда речь идет о том, что учитель получает право делать замечания на тему внешнего вида ученика, на тему его прически и так далее, это не просто движение назад, это скачок в прошлое, это скачок в Советский Союз.

Если будет принята вот эта байда, извините за выражение, то следующим пунктом абсолютно точно будет возвращение воспитательной функции школы. Поговаривают и о полном законодательном запрете^[5] на гаджеты. Кроме того, это замах на то, что запретить можно все. Ведь если запретить можно мою прическу и мои личные вещи, то запретить можно вообще все!

Конечно, льготники [абитуриенты из числа детей участников «СВО»] не только влияют на систему образования, они ее дискредитируют. Для того чтобы я, ничего не выучив, мог поступить куда-либо, мой папа должен пойти пострелять людей в чужую страну. В России худо-бедно, но все-таки оставалось понимание того, что есть академические знания, даже несмотря на то, что в стране происходило в последние годы. Например, коррупция: всем же понятно, что

плохо, когда человек дает взятку, чтобы поступить в университет, и так становится врачом? Это [льготы для детей участников «СВО»] то же самое, только намного страшнее и намного более безнравственно.

Про перестройку системы образования в Украине и ненависть у детей

В Украине сейчас вот через боль, через трагедию рождается потрясающая новая система образования. Это не системно пока, но вам не передать, насколько у коллег — во всяком случае у тех, с кем я имею честь быть на связи — меняется сознание. Я в Украине бывал раз в полгода всегда и, надеюсь, продолжу бывать. И там была, конечно, вот эта постсоветская общая болезнь [в школьном образовании]. Насколько это изменилось! Насколько из-за войны, из-за трагедии [украинские учителя] начинают думать иначе! Как мне взаимодействовать с детьми? Как спасти их от ненависти? Притом что их ненависть имеет причины — как и обобщения относительно русских, например.

Люди звонят из Украины и задают этот вопрос — как уберечь детей от ненависти — раз в две недели точно. Человек имеет право ненавидеть — нельзя спорить с чувствами. Тем более этого украинского мальчика или девочку мы можем понять, правда ведь? Мы и сами, взрослые, порой можем чувствовать нечто похожее. Но самый главный вопрос, который нужно задавать: «Что я с этой ненавистью делаю?». Потому что если я от злости пинаю стену, это одно, со всеми бывает, но это мне и миру не помогает. А вот если в этот момент я поддерживаю тех, кому нужна моя

помощь, — вот тогда с этой ненавистью происходит что-то. Выводить детей в практику, в человеческую практику, думаю, это главный путь.

Про «неучастие в подлости»

«Порядочность не предполагает героичности, она предполагает неучастие в подлости». Это очень круто сказано, особенно про нынешние времена. Я думаю, что быть порядочным — это осуществимо в любых условиях. Мы не можем ожидать от человека, что он будет героем. Но мы можем ожидать от человека, что он не будет предателем. Что он не будет развращать собственного ребенка, разрушать мораль. Что он будет сохранять то, что он может сохранить. Думаю, это оно и есть.

Например, если я отправляю своего ребенка в логово гаденышей и говорю: «Он выживет», я думаю, это подлость. От тебя требуется минимальное усилие, чтобы этого не происходило. Но ты не готов на него, потому что ты привык. Это даже не комфорт — это привычка, это твой консерватизм.

Если ты училка и обязана провести «Уроки о важном» на тему вот этой вот дряни, цена неучастия в этом не будет очень высокой, между прочим. Этой ценой может быть переход в другую школу, уход на репетиторство и так далее. Неучастие в этом — это порядочность.

Или вот вам нравственный вопрос. Есть учебник истории^[6] Мединского за 11-й класс. Учебник абсолютно прогнивший, лживый, безграмотный и

так далее. Предположим, есть ребенок, который решил идти на исторический факультет. И ему нужно сдавать ЕГЭ по истории, а значит, очень сильно рисковать тем, что ему придется рассказывать про «жидобандеровцев», «предателя Горбачева», про нашу звездочку Путина и так далее. Неучастие в подлости, на мой взгляд, это отказ от сдачи ЕГЭ по истории. Люди, которых я не буду судить, скажут: «Подожди, но у человека жизнь ломается!». А я возражу: нет, у человека жизнь не ломается. Возможно, она формируется как жизнь нравственная.

ЕГЭ по истории — для тех, кто не знает — это необязательный предмет. Да, он [абитуриент] не пойдет на исторический факультет. Но это минимальная цена, которую он может заплатить за неучастие в подлости. При этом я далек от того, чтобы назвать подлецом человека, если он решит сдавать историю. И есть десять тысяч оправданий тому, почему это стоит сделать. Но я выбираю то одно — почему это можно не сделать. И, заметьте, без малейшего риска.

Понимаете, война всех нас ставит в ситуацию нравственного выбора. Не по линии «уехать — не уехать», «остаться — не остаться», а сиюминутного нравственного выбора. Это неприятно, это гадко, это больно физически. Поэтому так велик соблазн сказать: «Да ничего не поменялось, господи, какой нравственный выбор? Все и так зашибись».

Редактор: Мика Голубовский

1. Внушение определенной идеологии.

2. Форма обучения, при которой несколько семей объединяются и договариваются с учителями об индивидуальном плане обучения вне школы.
3. Когда образование обеспечивает семья, а в школе дети только проходят аттестацию.
4. Предмет, который в новом учебном году появился в 5–9 классах российских школ. Целью курса авторы программы назвали «введение молодых людей в традиционную для нашего Отечества систему семейных ценностей и формирование просемейных ценностно-смысловых установок: брачности, многодетности, целомудрия».
5. После поправок в закон «Об образовании», принятых в декабре 2023 года, использование мобильных телефонов в школах уже ограничено. В законе прописано, что учащимся всех классов нельзя пользоваться ими на занятиях, за исключением случаев «возникновения угрозы жизни или здоровью» им или работникам школы.
6. Новые учебники по всеобщей истории и истории России для 10-х и 11-х классов представили летом 2022 года. По словам самого Мединского, в них полностью переписали разделы о 1970-х, 1980-х, 1990-х и нулевых годах. Например, Украину описали как «ультранационалистическое государство», где преследуется «любое инакомыслие», а целью российского вторжения в соседнюю страну авторы назвали «защиту Донбасса и упредительное обеспечение безопасности России».